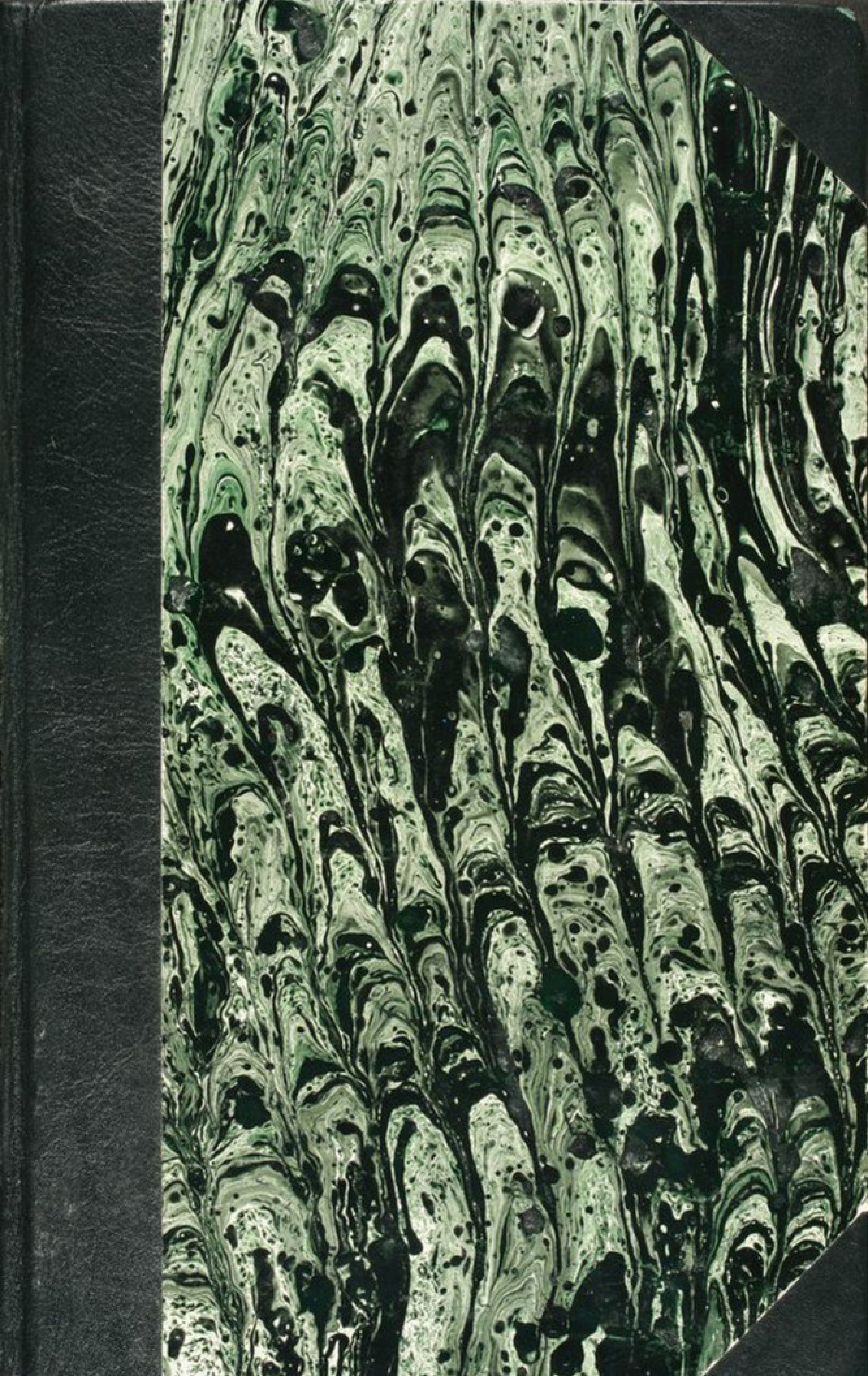

ОПЫТЪ

СОБРАНІЯ

СТАРИННЫХЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЕЙ.

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

Траг. Пожарскій. Дѣйст. II. Явл. I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1819.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента народнаго просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки, одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи.

С. Петербургъ, Іюля 16 дня 1818 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ

Ив. Тимковской.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ДИМИТРІЮ ПРОКОФІЕВИЧУ

ТРОЩИНСКОМУ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ ПОЧТЕНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

Князь Цертелевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О СТАРИННЫХЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

О СТАРИННЫХЪ
МАЛОРОССІИСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Года за четыре предъ симъ, находясь долгое время въ Полтавской Губерніи здѣлалъ я небольшой опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней.

Случай, помогавшій многимъ открытіямъ былъ виновникомъ сего опыта. Нечаянно попался мнѣ слѣпой, шестидесяти лѣтъ *Бандуристъ*, который подобно древнимъ Рапсодамъ переходя изъ одного мѣста въ другое воспѣваетъ подвиги отечественныхъ Героевъ. Я списалъ все что онъ зналъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ шесть стариныхъ пѣсней, къ которымъ въ послѣдствіи присоединивъ и еще четыре таковыхъ же, принялъ намѣреніе издать оныя.

Собирая старинныя Малороссійскія пѣсни, я увѣренъ былъ, что не отыщу

другой Илліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни Греки и Римляне умѣли видѣть и чувствовать. Не возможно думалъ я, что бы живое воображеніе Малороссіянъ не воспламенилось чудными переворотами претерпѣнными отечествомъ ихъ; невозможно, чтобы люди умѣющіе цѣнить прелесть спокойствія, не были пораженны буйствомъ Татарскихъ набѣговъ. Предмѣты ужасные всегда поражаютъ насъ ранѣе пріятныхъ; эпохи бѣдствій и кровопролитій предшествуютъ истинной славѣ народовъ.

Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чемъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но естьли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ Малороссійской

Исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываего времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались Малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ ихъ окружавшихъ!

Языкъ старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней конечно далеко отошелъ отъ своего корня и еще далѣе отъ языка Россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ и политическими переворотами и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чуствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, на ученыхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части Рускихъ покажется можетъ быть страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самыхъ Малороссіянъ;) но изъ того не-

справедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы Трубадуровъ и пѣсни древнихъ Скальдовъ при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшія писатели. Наконецъ, справеоливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе Малороссійское бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихосложеніе Малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

Касательно достоинства старинныхъ Малороссійскихъ пѣсень, какъ піитическихъ произведеній, можно назвать оныя щастливымъ отпечаткомъ первыхъ временъ стихотворства — поэзіи безъ

искуственной естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко очень рѣдко рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ много испорчены, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженій и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающій отголосокъ гармоніи слышанный нѣкогда на берегахъ Днѣпровскихъ!

Въ доказательство доселѣ сказаннаго мною, я приведу нѣсколько примѣровъ:

Молдавскій Господарь—объятый ужасомъ при вторженіи во владѣнія его, Богдана Хмельницкаго — говоритъ Коронному Гетману Потоцкому:

Уже́ почавъ винъ (т. е. Хмельницк.) Коньскими копытами зе́млю ора́ты
Молда́вскою кровью полива́ты.

Въ пѣснѣ, изображающей разлуку братьевъ, одинъ на прозьбу другаго прекратить ему тягостную жизнь, отвѣчаетъ:

Сего зроду нечувалы
Щобъ ридною кровью сабли обмывалы
Острымъ спысомъ (копьемъ) о прощенье
бралы?

Это таже щастливая оригинальная смѣлость какую находимъ въ стихахъ:

Подъ шеломами повиты,
Подъ щитами возлелѣяны,
Остріемъ копья воскормлены.
(Пѣснв о поход. Игоря.)

Вообще въ пѣсняхъ Малороссійскихъ все просто и благородно. Козакъ, разсказывая происшествіе или открывая чувства свои, не отыскивалъ сравненій и подобій въ мѣстахъ отдаленныхъ, но заимствовалъ оныя изъ предмѣтовъ его окружавшихъ. Напримѣръ:

Нечорныя Хмары ясне солнце заступалы
Не буйные витры въ темномъ лузи бушовалы
Козаки Хмельницкаго ховалы
Своего батька оплакалы.

Какое прекрасное сравненіе благоразумнаго правителя съ яснымъ солнцемъ, печальныхъ воиновъ съ мрачными тучами, общаго смятенія съ шумомъ вѣтра!

Въ другой пѣснѣ хищные Татары нападающіе на молодого Козака уподоблены саранчѣ, стремящейся пожрать благословенную жатву, надежду земледѣльца.

Что касается до картинъ въ цѣлости, то они кромѣ удачнаго выбора предметовъ особенно отличаются естественностію и вѣрностію изображеній. Напримѣръ:

Козакъ ушедшій изъ плѣну спѣшитъ на родину; силы ему измѣняютъ, ославѣвъ отъ ранъ и голода онъ ложится на холмѣ отдохнуть и — умираетъ; вдругъ:

Орлы сызопиры налитали,
Зълоба очи высмыкалы;
Вовци Сирохманци набигалы,
Тило козацке рвалы;
По тернамъ, по прикмитамъ, жовту кость
жваковалы.

Естьли бы искусный живописецъ взялъ кисть и съ точностію начерталъ каждое слово Поэта, мы бы увидѣли полную и вмѣстѣ разительную картину! „На холмѣ лежитъ умершій Козакъ, сизые орлы выклевываютъ глаза ему; сѣрые космашые волки рвутъ тѣло и расстерзавъ на части, гложутъ между кустовъ жолтыя кости несчастнаго! Потомъ сочинитель нѣсколькими словами превращаетъ сіе мрачное описаніе, въ изображеніе тихой горести:

Где се взялась сыза зузуленька,
Въ головахъ сидала
Жалобно ковала,
Якъ сестра брата, або маты сына оплакала.

„Кукушка — символъ горести Малороссіянъ — поетъ надъ головою Козака однозвучную, унылую пѣснь свою; какъ сестра оплакиваетъ брата или матъ сына!“ Разбирая извѣстнаго Автора, замѣтилъ бы я въ подобномъ случаѣ искусный переходъ отъ ужаса къ нѣжности; разсматривая же пѣсню простаго Коза-

ка, я удивляюсь вѣрности, съ каковою выразилъ онъ движенія своего сердца.

Въ другомъ мѣстѣ прекрасно изображена буря претерпѣнная козаками на морѣ:

На чорному мори,
На билому камни,
Ясенъ соколъ жалобно квылитъ, проквиляе
Смутно себе мае,
Що на чорному мори недобре ся починае.

Истинно піитическое вступленіе! Среди чорнаго моря, на бѣломъ камнѣ, сидитъ соколъ и крикомъ своимъ возвѣщаетъ бурю; но вотъ она начинается:

Усі звизды потмарыло,
Половину ясности мисяца закрыло,
Съ той Хмары буйные витры вставалы
Судна козацьки на три части разбывалы.
Одну частъ взяло
Въ землю Агарьску занесло.
Другую частъ гирло
Дунайске пожирло.
А третяя зле ся мае
Въ чорному мори потопае!

Можно ли списать природу вѣрнѣе? ,,Звѣзды потухли, мѣсяцъ чуть свѣтитъ сквозь тучу, изъ нѣдръ ея съ шумомъ вылетаютъ буйные вѣтры,, устремляются на козацкія судна, раздѣляютъ на три части; одну уносятъ въ землю Агарянъ, другую пожираетъ челюсть Дунайская, третяя погибаетъ среди Чернаго моря!" Прекрасныя Оссіяновы описанія бури едвали заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности.

Посмотримъ еще картину въ другомъ родѣ. Татары убивъ Козака хотятъ поймать лошадь его, но борзый конь:

До табура прибигае,
По куренямъ гуляе,
Острымы копытамы землю копае,
Смутно ржучи казака свого выклыкае.

Подобное изображеніе неиспортило бы лучшей поемы: я вижу кажется, какъ бурный конь прибѣгаетъ во станъ, смутно ходитъ между шатровъ, остры-

ми копытами роетъ землю и унылымъ ржаніемъ вызываетъ козака своего! Что же дѣлаютъ при видѣ семъ товарищи храбраго? Бросаются къ оружію, скачутъ въ поле отбиваютъ у Татаръ тѣло сподвижника своего, останавливаются и

Острымы саблямы суходилъ копаютъ,
Шапкамы, приполамы перстъ выбираютъ,
Ивану Коновченку высоку могилу насыпаютъ,
Въ семи пядни пищали гремаютъ,
У суремки выграваютъ,
Славу Козацьку выхваляютъ.

Вотъ картина достойная искусной кисти; прекрасное изображеніе Героическихъ, того времени, обычаевъ! Посреди поля козаки острыми саблями роютъ могилу, опускаютъ въ оную тѣло убитаго своего товарища, шапками носятъ землю, насыпаютъ высокой холмъ, стрѣляютъ, трубятъ въ трубы и наконецъ съ унылой пѣснію въ честь храбраго оставляютъ печальную могилу его.

Приведенныхъ мною примѣровъ кажется достаточно для того, что бы Читатель могъ о картинахъ встрѣчающихся въ старинныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ здѣлать основательное заключеніе, что же касается до чувствъ то сіе и того удобнѣе: Малороссійская поэзія ими исполненна. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе повсюду сопутствующее Поэту. Можетъ быть причиною сему бѣдствія, безпрерывно болѣе трехъ вѣковъ отягчавшія Малороссію и бросившія, такъ сказать, на самый характеръ народа какую то тонкую тѣнь печали. Обыкновенно изображается въ Малороссійскихъ пѣсняхъ смерть какого нибудь козака, неожиданный походъ, набѣги Татаръ, нещастная любовь и тому подобное. Вотъ какъ, на примѣръ, мать отправляетъ на чужую сторону сына своего гонимаго вотчимомъ:

Иды ты сыну межь чужіе люде
Чине луче тоби на чужинѣ буде?

Тяжко, тяжко мини тебе зъ дому отправляты,
Аще тяжче биля себе въ знегодьи держаты!
Хоть поидешь на чужину, слезы мини литы;
Хоть оставлю тебе сынку, по всякъ часъ тужиты!

Здѣсь видно сердце матери раздираемое настоящимъ горестнымъ положеніемъ сына и неизвѣстностію, которая грозитъ ей въ будущемъ. „Тяжело, тяжело, говоритъ она, растаться съ тобою сынъ мой; но и того тягостнѣе всечасно видѣть тебя въ нещастіи! Поедешь ли—я должна лить слезы, останешся ли—страдать всечастно!" Она желаетъ и страшится разлуки; что можетъ быть мучительнѣе положенія сего? — Сочинитель конечно не имѣлъ никакого понятія о правилахъ поезіи; не зналъ ни Горація ни Буало, ни Батте ни Ешенбурга — но природа щедрая къ любимцамъ своимъ, внушила ему сіи щастливыя выраженія.

Вслѣдъ за приведенными мною стихами изображена минута отъѣзда коза-

ка изъ дому: уже онъ изготовился въ путь, и вотъ:

Старшая сестра вороного коныка выводытъ,
Средня збрую срибную выноситъ,
Щой найменьша, горько рыдае,
Словамы промовляе:
Зъ якой тебе брате,
Стороненьки ждаты?

Съ какою точностію изображены горестныя минуты разлуки, когда сжатое сердце не въ силахъ бываетъ открыть себя, когда желаемъ и боимся прервать тягостное молчаніе! — Въ задумчивости стоитъ козакъ, старшая сестра выводитъ ему коня воронаго, средняя выноситъ доспѣхи козацкіе, мертвая тишина окружаетъ всѣхъ, наконецъ меньшая сестра какъ бы преодолѣвъ себя, спрашиваетъ рыдая, съ какой стороны ожидать тебя братъ мой? Козакъ отвѣчаетъ:

Возьмы ты сестро жовтого писку
Да посій ты сестро на билому камни;
Коли буде жовтый писокъ выростаты,
Зеленымъ барвинкомъ камень устилаты
Въ той часъ буду до васъ прибуваты!

Стихи сіи кромѣ удачнаго изображенія горести козака, привязаннаго къ отчизнѣ своей и роднымъ, представляютъ вмѣстѣ способъ выражаться подобіями и сравненіями или лучше сказать признаками, способъ свойственный всѣмъ народамъ во время младенчества ихъ; у литераторовъ же извѣстный подъ названіемъ Эмфазиса. — Такъ не рѣдко то, что въ началѣ происходитъ отъ нуждъ и бѣдности народа въ послѣдствіи составляетъ роскошь его! Но обратимся къ разсматриваемой нами пѣснѣ: „Козакъ уѣзжаетъ, уже онъ чуть виденъ въ дали, гдѣ же родные его?.. Въ концѣ деревни зеленѣетъ холмъ, нѣсколько женщинъ въ уныніи стоятъ на ономъ простирая по дорогѣ печальный взоръ свой, это они, это его родные. Долго, долго провожаютъ они глазами любимца своего, наконецъ козакъ сокрылся и печальное семейство съ горестію возвращается, домой дабы еще долѣе его оплакивать!

Довго воны на могилѣ крій села стояли,
Довго, довго козаченька вичми провожалы,
А ще довше воны его дома оплакалы.

Какое чувство и живость изображенія! Читая мѣсто сіе невольно воспоминаю трогательную разлуку Гектора съ Андромахой. Малороссійскій сочинитель безъ сомнѣнія не читывалъ Илліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но законы природы общи и неизмѣнны. Человѣкъ истино тронутый предмѣтомъ своимъ говоритъ ясно, рѣзко и часто весьма сходно съ другимъ, отдаленнымъ отъ него и пространствомъ и временемъ, но находившемся въ подобномъ положеніи.

Наконецъ во многихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ, какъ я выше упомянулъ, изображены обычаи и характеръ народа. Въ одномъ мѣстѣ видно напримѣръ то щастливое время когда *четыре вола и двѣ лошади* составляли богатство; въ другомъ одежда и домашніе обряды Малороссіянъ; въ иномъ гостепріимство

ихъ, почтеніе къ родителямъ увѣренность въ провидѣніи и тому подобное Я могъ бы привесть на все сіе множество примѣровъ; но боюсь наскучить читателю предмѣтомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ то неизъяснимымъ удовольствіемъ.

Предварительныя замѣчанія.

Читатель не знающій Малороссійскаго нарѣчія долженъ замѣтить.

1) Что Малороссіяне во всѣхъ глаголахъ наконцѣ, также въ творительномъ падежѣ, а часто и въ другихъ случаяхъ, употребляютъ *ы* вмѣсто *и* напримѣръ доганялы, *благословляты, руками, ногами, сыла* и проч. т. е. доганяли, благословляти, руками, ногами, сила и проч.

2) Букву *ѣ* во всѣхъ случаяхъ замѣняютъ буквою *и* напр. *пишій, крипкій, въ доми* вмѣсто пѣшій, крѣпкій въ домѣ.

3) Окончаніе глаголовъ на *іе ае* и *яе* а въ усѣченномъ на *а* и *я* показываетъ третее лице настоящаго времени на при *богатіе, аліе, гуля. гуляе, чита читае,* т. е. богатѣетъ, алѣетъ, гуляетъ, читаетъ.

4) Окончаніе глаголовъ на *въ* показываетъ третее лице прошедшаго времени напримѣръ *поспишавъ, ходывъ,* вмѣсто ходилъ, поспѣшалъ.

5) Окончаніе на *тьця* показываетъ неопредѣленное наклоненіе возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ глаголовъ, на примѣръ: *хвалытця*, *бытьця*, *боятця;* вмѣсто хвалится, биться бояться.

6) Окончаніе на *ты* показываетъ неопредѣленное наклоненіе дѣйствительныхъ и среднихъ глаголовъ, на примѣръ: *читаты*, *ходыты*, вмѣсто читать, ходить.

7) Въ мѣстоимѣніяхъ личныхъ и возвратныхъ наконцѣ вмѣсто буквы *я* употребляютъ *е* на пр. *тебе, мене, себе,* вмѣсто тебя, меня, себя.

8) Предлогъ *зъ* употребляютъ вмѣсто *изъ* и *съ* напримѣръ *зъ дому*, *зъ вами* т. е. изъ дому, съ вами.

9) *зо* вмѣсто *со* и *одъ* вмѣсто *отъ* на примѣръ *зо всимы оддаваты* т. е. со всѣми отдавать.

10) *У* вмѣсто *въ* и на оборотъ напримѣръ у *городѣ*, *въ насъ* т. е. въ городѣ, у насъ.

11) *до* вмѣсто *къ* напримѣръ *до васъ, до рички* т. е. къ вамъ, къ рѣкѣ.

СТАРИННЫЯ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

I.

О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова. (*)

Изъ города изъ Азова не велыкіе шуманы
вставалы,
Три брата ридненькихъ изъ города изъ Азова
утикалы:
Два конныхъ, третій пішій заными подбигае
Кровью слиды залывае
Словами промовляе:
„Станьте вы братцы коней попасите

(*) Азовъ — на лѣвой сторонѣ Дона около 10 верстъ отъ устья его, извѣстенъ въ древности подъ именемъ *Тана* или *Танаиса* построенъ греками еще до Рождества Христова; сначала принадлежалъ Грекомъ, потомъ Монголцамъ, потомъ Капчатскимъ Ханомъ, подъ владѣніемъ которыхъ торговали въ ономъ Генуезцы и Венеціане. Въ 1475 году завоеванъ Турками и находился послѣ, то въ Турецкомъ, то Россійскомъ владѣніи, пока наконецъ 1774 году навсегда присоединенъ къ Россіи.

Мене подождите,
Съ собою возмите,
До городивъ Христіанскихъ подвезите"
То середульшій тее зачувавъ,
Старшаго пытавъ;
То старшій ему промовлявъ:—
Чи щежъ тоби не далася тяжкая неволя знаты ? . .
Якъ будемъ мы брата дожидаты,
Буде насъ погоня догоняты,
Буде насъ стреляты, рубаты,
Або въ тяжкой работи будемъ пропадаты —
„Колыжъ мене братцы нехочите ждаты,
Ставъ меньшій промовляты,
То прошу васъ братцы, на праву сторону звертайте,
Сабли изъ пихъ вынимайте,
Тило мое порубайте,
Въ чистомъ степу поховайте,
Звирю да птыци на поталу недайте!"
То середульшій тее зачувавъ
Словами промовлявъ:
—Сего брате зъ роду нигдѣ нечувалы,
Щобъ ридною кровью сабли обмывалы,
Або острымъ списомъ о прощенье бралы.
„Колыжъ не хочите братцы мене рубаты,
То прошу васъ братцы, якъ будете до байраквъ прибуваты,
Терновы витки въ заполье рубайте,
Мини признаку покидайте,"

То вже два козаки въ байраки въижае,
Середульшій братъ милосердіе мае,
Терновы виткы рубае,
Меньшому брату примиту покидае.
А якъ сталы на Муравскій Шляхъ (*) выизжаты,
Ничимъ ёму признакавъ покидаты;
Винъ червону Китайку спидъ жупана выдырае,
По шляху роскидае,
Меньтому брату примиту оставляе.
То якъ ставъ пишеходецъ съ тернивъ выходыты,
Ставъ червону Китайку находыты;
„Не дурно, промовляе,
Червона Китайка по шляху валяе,
Мабуть моихъ братьивъ на свити не мае!..
То зъ города погоня вставала
Мене въ тернахъ на спочиви мыновала
Братывъ моихъ догоняла!...

(*) Муравскій Шляхъ, т. е. Муравская дорога, есть, говорять, и теперъ дорога въ южномъ концѣ Украйнской губерніи, называемая симъ именемъ, вѣроятно та самая чрезъ которую должны были бѣжать плѣные. Сіе тѣмъ болѣе кажется мнѣ вѣроятнымъ, что посему же направленію отъ Азова къ Муравской дорогѣ находится деревня Даниловъ Байракъ (Академ. Акты 1745 года). Получавшая конечно названіе отъ байраковъ, между коими выстроена и о которыхъ такъ же упоминается въ пѣснѣ сей.

Колыбъ мини Богъ
Милосердый, помогъ
Тило козацке (*) находиты
Въ чистомъ полѣ хороныты !,,
То шее промовлявъ
До *Саворъ* могилы (?) прибувавъ,
Отъ голоду, ранъ знемогавъ,
Пидъ Саворъ могилой спочивавъ.
Въ той часъ сызы орлы налитали,
Пильно въ очи козакови заглядалы.
Козакъ шее забачее
Словами промовляе:
,,Орлы сызо-пиры,
Гости мои мыли,

(*) Козакъ названіе весьма древнее означаетъ на татарскомъ языкѣ человѣка бездомовнаго ведущаго жизнъ кочевую. Доказательствомъ сего могутъ служить *Киргизъ-Кайсаки*, народъ татарскаго племени, которой самъ себя называетъ *Сара Кайсаки*, т. е. степные Козаки, — равно какъ и то, что во время татарскаго въ Россіи владѣчества поставляемые отъ нихъ правители имѣли при себѣ по нѣскольку сотъ вооруженныхъ Татаръ, которые поелику были пришельцы и не имѣли постоянныхъ жилищъ, назывались такъ же козаками, да и нынѣ на малороссійскомъ нарѣчіи *козаковать* значитъ: не имѣть постояннаго занятія и жилица. Названіе Козаки есть, можетъ быть, переводъ названіе *Поляне*, которые, какъ видно изъ Нестора, жили на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и безсомнѣніе были предки малорос. Козаковъ.

Прошу я васъ тогди налитаты,
Зъ лоба очи мини сысмыкаты,
Якъ не буду я свита божаго выдаты."
То теа промовлявъ
За часъ за годину милосердому Богу душу отдавъ.
Тогди орлы налиталы,
Зъ лоба очи высмыкалы,
Вовцы сирохманци набигалы,
Тило козацьке рвалы,
По тернамъ по прикмитамъ жовту кость жваковалы.
Гдѣ се взялась сыза зазуленька, въ головахъ сидала
Жалобно кувала;
Якъ сестра брата, або маты сына оплакала.
Тогди старши браты на поля Самарски вызжаютъ,
Надъ ричкою Самарскою (*) опочивку соби маютъ,
Коней попасаютъ.
Въ той часъ безбожныи бесурманы набигалы
И тихъ двухъ братьевъ порубалы,
Тило козацьке Карбовалы ,
Въ чистомъ поли роскидалы,
Головы на сабли вздымалы,
Довго Глумовалы.

(*) Самарка впадывающая въ Днѣпръ съ лѣвой стороны нѣсколько ниже пороговъ.

II.

О Алексѣе Половичѣ или о бурѣ претерпѣнной Козаками на Морѣ.

На чорному мори,
На билому камни,
Ясенъ соколъ жалобно квилытъ проквиляе,
Смутно себе мае,
Що на черному мори не добре ся починае.
Уси звизды потмарыло,
Половину ясности мисяца заступыло;
Съ чорнои Хмары
Буйные витры вставалы,
Судна козацьки на три части розбывалы;
Одну чаетъ взяло
Въ землю Агарьску занесло,
Другую чаетъ гирло
Дунайске пожирло,
А третяя зле ся мае
Въ чорному мори потопае.
При тій части бувъ Грицько Збороскій
Атаманъ Козацькій Запорожскій (*)

(*) Запороженіе Козаковъ суть отраель Козаковъ Малороссійскихъ; они воспріяли начало свое въ 16 столѣтіи отъ переселенія Малороссіянъ принадлежавшихъ, тогда польшѣ къ нижнимъ странамъ Днѣпра такъ же къ Бугу и Днѣстру для охраненія границъ. Въ 1506 году

Той по судну кохожае
Словами промовляе:
,,Хтось межъ нами, Панове! великій грихъ на
соби мае,
Щось дуже злая Хуртовина на насъ налягае;
Сповидайтеся Панове! милосердому Богу,
Чорному морю, и мени Атаману Кошовому.
Въ черное море впадите
Війска козацькаго не губите!,,
То козаки тее зачували
Замовчалы;
Бо въ грихахъ себе не знавалы!
Тилько обизвется *Писарь Войсковвий* (*)
Козакъ Лейстроввий (**)

известенъ былъ одинъ изъ оныхъ переселенцовъ Дашкевичь имѣвшій около 6000 войска называемаго Козаками. Атаманъ означаетъ вообще начальника. Козаки имѣли двухъ родовъ Атамановъ, *Кошовыхъ*, то есть начальниковъ всего войска отъ татарск. слова *Кошь*, что значитъ Лагеръ или Станъ, и Атамановъ *Куринныхъ*, т. е. начальствующихъ надъ частію Козаковъ, отъ слова *Курень*, дымящаяся куча, употребляемомъ въ переносномъ смыслѣ для означенія жилища или пристанища.

(*) *Писарь Войсковый*, родъ войскового секретаря. Онъ читывалъ въ собраніяхъ всѣ получаемые дипломатическія и другія важныя бумаги, и писалъ на оные отвѣты. У запорозс. Козаковъ писарь воспоминаемъ былъ при Ектеніяхъ (моленіе при переносѣ) послѣ Кошового и судіи.

(**) Козакъ Лѣйстровый правильнѣе реэстровый, т. е.

Пирятынскій (*) Поповичъ Алексій:
„Мини чорною Китайкою очи завяжите,
До шіи билый камень причипите,
Въ чорное море зопхните;
Нехай буду одинъ погибаты·“
Козацькаго Війска незабавляты.
То козаки тее зачували —
„Алексію Поповичу! — промовляли —
Ты святее письмо читаешь,
Насъ простыхъ людей на все добре на-
спавляешь,
Защоты на соби великій грихъ маешь? . . .
„Якъ я съ Пирятына Панове! выизжавъ,
О прощенья съ Паноптцемъ съ Паниматкою
не бравъ,
Диты маліи
Вдовы старіи,
Стремямъ у груди товкавъ;
Безпечно по улицамъ конемъ гулявъ,
Противъ Церкви, дому Божаго, проиэжавъ,
Шапки съ себе не знимавъ,
Креста на себе не клавъ!
За те я Панове великій грихъ маю
Теперь погибаю! . . .

состоящій въ реэстръ дѣйствительно служащихъ Козаковъ для отличія отъ прочихъ жителей Малороссіи, которые всѣ вообще назывались Козаками.

(*) Пирятинъ, уѣздной городъ Полтавск. губерніи.

Колыбъ мене сяя
Хуртовина злая
Въ мори невтопыла,
Отъ смерти молытва бороныла,
То знавъ бы я отца, матерь поважаты,
И старшаго брата — и сестру ридненьку
Заненьку
У себе маты.“ —
То якъ ставъ Поповичъ грихи сповидаты
Стала злая Хуртовина утихаты;
Судна козацьки догоры якъ рукамы подни-
мало,
До Тентрева (*) острова прибывало. —

*

О тимъ бы то, Панове треба людей по-
важаты
Панотця, Паниматку добре шанованоты!
Бо который человѣкъ тее уробляе,
Повикъ той щастье соби мае:
Смертельный мечь того минае,
Панотцева, Паниматчина молитва со дна
моря вынимае
Отъ грихивъ смертельныхъ душу откупляе.

(*) Тентревъ островъ, т. е. Тендра, кежащій на чорномъ морѣ въ лѣво отъ устья Днѣпра неподалеку отъ берега.

III.

О смерти Ивана Коновченка или о походѣ Козаковъ противъ Татаръ (*).

На славній Украини,
У славнимъ городѣ у Корсуни, (**)
Кликне покликне Филоненку,
Короунскій Полковнику:
Годи вамъ, Панова молодци! домоваты,
Идите зо мною не *Черкеню долину* гуляты,
Славы рыцарства козацькому війску доставаты.
О тогди по городамъ немузыки выгравалы,
Есаулы войсковіи похожалы,
Листы читалы,
Козаковъ въ походъ выкликалы;
А хто буде, Панотцевого, промовлялы,
Неди-лишняго обида дожидаты,
Той буде Филоненка,
Корсуньскаго Полковныка,
Въ шести мыляхъ догоняты.

*

(*) Козаки часто дѣлали таковые походы. — Во время Гетьмана Скалозуба, умершаго 1590 году, Амуратъ III принужденъ былъ за сіе жаловатся на нихъ польшѣ.

(**) Корсунь, въ Кіевской губерніи.

У городи у Черкаси жила вдова стaренька,
Мала соби сына Ивася вдовыченка Коновченка,
Вона тее перше его зачувала
До Господы найскорите прибувала,
Уси кони изъ Господы позсылала,
Все оружье у комнату замыкала,
Къ дому божому, до церквы поспишала.
То Ивась отъ сна причинае,
По хати поглядае,
Ажъ ни одной сабли булатной,
Пищели семи пядной,
На спини ни мае,
У станы ухожае,
А на стани ни одного
Коня вороного.
Винъ неньку
Стареньку
Биля церкви доганяе,
Словами промовляе:
Не добре ты маты згадала,
Що вси кони изъ господы посылала,
Все оружье у комнату замыкала,
А лучебъ ты маты вробыла,
До города Крылова (*) одъ издыла
Сто злотыхъ Жиду Олондарю давала;
У наряди доброго коня куповала,
Мене молодаго въ походѣ знаряжала.

(*) Крыловъ, въ Кіевской губерніи.

,,Маешь ты четыре волы чубаныи,
Два кони отцевски вороныи,
Можешь добре у Черкаси поживаты,
Козаковъ на хлибъ на силь заклипаты."
,,Що мни съ того що буду я добре поживаты;
Будуть мене козаки за хлибъ за силь повижаты,
Тилько будуть мене маты,
На пидпытку, Гречкосіемъ, домонтаремъ величаты,
Коня мого приблудую называты.
Евже мини нечесть не подоба порильямъ спотыкаты,
Жовтыхъ чобитъ Каляты,
Доргіи сукна пыломъ набываты!
А хочется мини маты,
Питы пидъ городъ *Тягиню* (?) гуляты,
Славы рыцарства доставаты."
То тее промовлявъ,
У неньки старенькои благословенье бравъ,
Изъ дому отцевскаго поспишавъ,
На чоркеню долину съ козаками прибувавъ.

*

Не ясенъ соколъ на долини по табуру гуляе,
Не билая лебедъ спивае.
Полковникъ Филоненко похожае
Словами промовляе:
,,Который то Панове, молодци! Козакъ дородный

Ще й кинь пидъ нимъ воздобный,
Пиде зо мною на Черкеню долину гуляты,
Славы рыцарства козацькому вiйску достодоставаты?
То Ивась Коновченко тее зачувавъ,
На передъ всихъ благословенiя прохавъ.
„Ты дытына Ивасю молода, Полковникъ промовлявъ,
Ни на поли, ни на мори небувало;
Смерти биля себе невыдало,
Якъ звычаи козацьки познаешь
Луче тогди погуляеть.“
— „Не вси стари птыци высоко литають,
Не вси стари щуки карасивъ хватають,
Трапляется, батьку! що крича малее
Ловить рыбку краще нижъ старее.“ —
То Ивась тее промовлявъ:
Съ Полковникомъ на долину выизжавъ,
Двенадцать татаръ предъ мечь принявъ,
Шисть на арканъ звязавъ,
Филоненку гостинця подававъ.
То Полковникъ бесурменовъ принимае,
Ивася Коновченка биля себе сажае,
Славу его выхваляе.
То Ивась великую радость мае
Словами промовляе:
„Благословы мини Батьку! оковытой напится,
Я не зарикаюсь съ бесурманамы ще луче побится“
— Невелю я тоби сыну оковытои напываты

Да ипты съ бесурменами на долину гуляты;
Колижъ вже ты хочешь еи напиваты,
То велю въ моимъ на мети лягты спочиваты—
„Сей мини хмиль не буде заважаты;
А буде моему сердцу смислости до доваты.“

*

То не вихоръ по Черкени долины гуляе,
Не сизый орелъ ястребивъ ганяе,
Вдобиченко Коновченко на ворономъ кони
разъизжае,
Мечемъ своимъ якъ блискавна сіяе,
Трехъ тетаръ Яничаръ съ коней сбивае;
Тогди саблю булатну опускае,
Козакамъ рыцарство свое выхваляе,
Безпечно по долыни розъизжае,
Бесурменивъ на смихъ пиднимае.
То безбожни бесурмены тее зачували,
Напыла́го козака заразъ познавалы,
Бильше ему поля гуляти попускалы,
Отъ табура козацькаго заразъ отбивалы,
Гнѣвомъ Божимъ саранчою (*) на козака нали-
талы,
Шаблями, пистолями, смертныя раны даровалы
Тилько коня козацькаго непіймалы.
То добрый конь до табура прибигае,

(*) Въ Малороссіи простой народъ; и по нынѣ увѣренъ, что Саранча на крыльяхъ своихъ имѣетъ письме на Аравійскія означающія : *гнѣвъ божій.*

По куренямъ гуляее,
Острыми копытами землю копае,
Смутно ржучи козака свого выкликае.
То Филоненко тее зачувавъ,
Изъ намета свого выступавъ,
Словами промовлявъ:
„О це вы братци не добре зробылы,
Що напылого козака гуляты пустылы,
Мовь вы сами его съ свита згубылы.
Добре вы убайте,
Оружье заправляйта,
Бесурменивъ отъ тила козацькаго отбы-
вайте,
Бо вже не даромъ козацькій конь по табуру
гуляе,
Мабуть Ивася Коновченка на свисти не мае.“
То козаки тее зачувалы
На долину най — скорише поспишалы,
Бесурменивъ отъ тила козацькаго отбывалы,
Шаблями, надилками, суходилъ копалы,
Шапкамы, приполамы перстъ выбиралы
Ивасю Коновченку могилу насыпалы.
Въ семипядни пищели гремалы,
У суремки жалобно выгравалы,
Славу козацьку выхвалялы.
Скоро писля шого сталы козаки табуръ зни-
маты,
У города Христіански уступаты.
То вдова старенька —
Маты, Ивася Коновченка —

Не удоми ся мала,
На базари солодкій медъ выставляла,
Сына свого Ивася Коновченка выглядала,
Перва сотня наступае,
Вдова сына невыдае,
Друга сотня вступа самъ Хорунжій по пере-
ду иде,
Два козака козацького коня на поводахъ веде.
Вдова тее забачала
Жалобныи слова промовляла,
Славы, смерти сына свого пытала,
Всихъ козаковъ на хлибъ на силь закликала,
Похороны й весилье Ивасю отбувала;
Полковныку козацькаго коня даровала,
Старшимъ сабли, пищели Ивася роздавала.

*

Полягла козацька молодецка голова,
Якъ одъ витру на степу трава!
Слава на вмре ни поляже,
Рыцарство козацьке всякому роскае.

IV.

О хитрости употребленной Богданомъ Хмельницкимъ противъ Барабаша (*).

Изъ день годыны,
Якъ стала тревога на Украини.
То никшо не може обибраты,
За виру Христіянску одностайне статы;
Тилько обибралисъ Барабашъ да Хмельницкій
Да Климъ Билоцерковскій;
До Короля выступалы,
Листивъ *Наверсаливъ* прохалы.
То Король наверсалы писавъ
Самому Барабашу до рукъ подававъ,
А Барабашъ листы якъ взявъ,
Три годы козакамъ знаты недававъ, (**)

(*) Въ пѣснѣ сей смешано два произшествія: хитрость употребленная Богданомъ Хмельницкимъ (1648) къ открытію Барабаша и жалобы Малороссіянъ королю Владиславу, на притѣсненія отъ Польши, что случилось какъ видно изъ самой пѣсни, тремя годами прежде. Барабашъ былъ тогда Гетьманскомъ, а Богданъ Хмельницкій секретаремъ его.

(**) Барабашъ желая усилить власть свою вступилъ въ тайную переписку съ Поляками, и когда они писали

То Хмельницкій шее догадавъ;
Кумомъ его до себе до города Чигрина (*)
прохавъ,
Добре угощавъ.
А якъ ставъ Барабашъ на пидпитку гуляшы
Ставъ ему Хмельницкій казашы:
„Годи шоби пане Куме листы Королевски держаты,
Дай мини хоть прочиташы!“
— На що тоби Пане куме ихъ знашы,
Мы дачи не даемъ,
Въ війско Польске нейдемъ;
Не лучебъ намъ зъ ляхами,
Мусцивыми Панами,
Мирно пробуваты;
А нижъ пійшы лугивъ пошыраты,
Своимъ шиломъ Комаривъ годоваты.
То Хмельницкій шее зачувавъ,
Ще лучихъ напитковъ подававъ.
То Барабашь якъ упився
На лижко спаты звалився.
Тогда Хмельницкій ключи отбиравъ,

ему однажды что бы онъ запретилъ Козакамъ дѣлать набѣги, онъ отвѣчалъ: „придите сами и отмстите, я обѣщаю во всемъ помогать вамъ.“ Изъ исторіи видно, что они хотѣли истребать запорожкихъ Козаковъ.

(*) Гигиринъ, въ Кіевской губерніи, мѣсто рожденія и смерти славнаго Богдана Хмельницкаго.

Чуру свого до города Черкасы посылавъ,
Веливъ ключи Паньи Барабашовой подаши,
Листивъ Королевскихъ пытаты. (*)
То чура до ней прибувае
Словами промовляе:
„Пани Барабашова твій панъ ставъ у насъ гуляты,
А тоби веливъ листы Королевски податы —
„Десь моему Пану лихомъ занудылось,
Що съ Хмельныцкимъ гуляты схотилось.
Пиди въ глухимъ коньци пидъ воротьмы
Листы Королевки въ шкатули возмы“ —
То чура скоро листы доставъ,
Днемъ и ночью до Чигрина поспишавъ;
Скоро прибувавъ
Самому Хмельницкому листы подавъ.
Тогди Барабашь рано прочинае
У карманы поглядае,
Ажъ ключавъ немае;
Винъ старосту Кричевскаго пробужае,
Двійми киньми тихо здвора выижжае,
Думяе гадае

(*) Хмельницкій давно уже подозрѣвалъ Барабаша въ тайномъ сношеніи съ Поляками, почему и употребилъ у поминаемую здѣсь хидрость къ открытію его.

Якъ пана Хмельныцкого до рукъ прибраты
Ляхамъ отдаты. (*)

(*) Несбылосъ сіе; Хмельницкій схватив переписку Барабаша тотъчасъ отправился къ Запорозцамъ, которые узнавъ о намѣреніяхъ Гетьмана, избрали Хмельницкего своимъ начальникомъ. Между тѣмъ Барабашъ съ присланными отъ Польши войсками и частію преданыхъ ему Козаковъ устремился на Запорожцовъ, но Хмельницкій встрѣтивъ его разбилъ и принудилъ бѣжать въ Польшу; самъ же единогласно избранъ Малороссійскимъ Гетьманомъ.

V.

О походѣ Богдана Хмельницкаго въ Молдавію. (*)

Изъ низу Днипра Тихій вишеръ віе повивае,
Війско Козацьке въ походъ выступае,
Тилько Богъ святый знае
Що Хмельницкій думае гадае.
О тимъ не знали: ни сотныки,
Ни Атаманы Куринныи, ни Полковныки,
Тилько Богъ святый знае
Що Хмельницкій думае гадае!
Якъ до Днистра прибували
Чрезъ три перевозы переправу малы;
Самъ Хмельницкій на передъ всихъ рушавъ,
До Хатіи (**) прибувавъ,
У старшаго Копытана на кватыри ставъ,
До Василя Молдавскаго (***) листы посылавъ,

(*) Сіе случилось кажется въ 1657 году, когда Богд. Хмельницкій съ 4000 Козаковъ ходилъ въ Молдавію на помощь Татарамъ.

(**) Хотія т. е. Хотинъ.

(***) Василій Липула, Господарь Молдавскій.

Словами промовлявъ:
Що ты зо мною будешь гадашы:
Чи будешь бишся,
Чи будешь миришся,
Чи на примырье будешь примашы,
Чи Славной Волощины (*) половину отдавашы?
То Василій Молдавскій шее зачувавъ,
До Потоцкаго листы посылавъ,
Словами промовлявъ:
„Гетьмане Потоцкій! (**)
Що въ тебѣ розумъ жиноцькій!
Ты за дорогими напитками бенкетами уганяешь!...
Чомъ ты Хмельницкаго неезнаешь?
Вже почавъ винъ землю кинскими копытами орашы,
Кровью Молдавскою полывашы!"
Тогди ляхи изъ города изъ Сочавы утикалы (***)
Василію Молдавскому знашы давалы,
То Василій Молдавскій до Ясъ прибувае
Словами промовляе:
Гой вы Ясы мои, Ясы!
Булы есте бирзо красны,

(*) Волощина ш. е. Валахія.

(**) Потоцкій Николай, Коронный Гетманъ Польскій.

(***) Сочава ш. е. Сучава около полуторасша версшъ на югъ ошъ Хошина,

Давже не будеше шаки
Якъ придуть казаки!“ (*)
То Панъ Хмельницкій добре учинывъ:
Польшу засмушывъ,
Волощину побидывъ,
Гешьманщину (**) взвеселывъ!

*

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!
Сама себе на смихъ недавала,
Непріятеля пидъ ноги топтала!

(*) Василій Липула для прекращенія войны сей долженъ былъ заплатишь двадцашь шысячь дукашовъТашарамъ и обѣщашь дочь свою Ирину въ супружество сшаршому сыну Хмельницкаго Тимофею.

(**) Гешьманьщина ш. е. Малороссія.

VI.

О смерти Богдана Хмельницкаго (*).

За журилася Хмельницкаго сидая голова,
Що приёму ни сотниковъ ни Полковниковъ нема,
Часъ приходить умираты,
Ни кому парады даты.
Поклыкне винъ на Ивана Луговскаго,
Писаря войсковаго,
„Иванъ Луговскій,
Писарь войсковый!
Скорише бижи
Да листы пиши,
Щобъ Сотныки, Полковныки до мене прибувалы,
Хошь мало параду давалы"
То Иванъ Луговскій,
Писарь войсковый,
Листы писавъ
До всихъ разсылавъ,
То сотныки, Полковныки, якъ ихъ прочиталы
Усе покидалы,

(*) Хмельницкій Богданъ умеръ 1657 Августа 15.

До Гетьмана Хмельницкаго скорій прибувалы.
То Гетьманъ добре ихъ принимае
Словами промовляе:
„Панове, молодцы! Добре вы дбайте
Соби Гетьмана наставляйте,
Бо я старъ, болію,
Бильше Гетьманомъ нездолію! - .
Колы хочеше, Панове! Антона волочая Кіевскаго,
Альбо Грицька Костыря Миргородскаго,
Аль бо Филона Чичая Кропивьянскаго,
Аль бо Мартына Пушкаря Полтавскаго."
То Козаки тее зачували,
Смутно соби малы,
Тяжко вздыхалы,
Словами промовлялы:
Не треба намъ Антона Волочая Кіевскаго,
Ни Грицька Костыря Миргородскаго,
Ни Филона Чичая Кропивьянскаго,
Ни Мартына Пушкаря Полтавскаео;
А хочемъ мы сына твого Юруся молодаго
Козака Лейстровего —
„Винъ Панове молодци! Молодой розумъ мае,
Звычаевъ Козацьихъ незнае"
Будемъ мы старыхъ людай биля его держаты,
Будуть воны его научаты,
Будемъ его добре поважаты,
Тобе Батька Гетьмана! Вопоминаты!..

То Хмельницкій шее зачувавъ,
Великую радость соби мавъ,
Слезы проливавъ,
Сидою головою поклонъ отдававъ,
Скоро нисля того щей гирше Хмельницкій
знемогавъ,
О прощенье зо всими прымавъ,
Молосердому Богу душу отдававъ.
То Нечорни Хмары ясне сонце заступалы,
Не буйныи вишри въ темномъ лузѣ бушовалы,
Козаки Хмельницкаго ховалы,
Батька свого оплакалы;
А молодый Юрусь пидъ Билою Церквою (*)
гуляе
О смерши отцовскій незнае,
Скоро Лейтары до его прибувалы
Листы подавалы,
То Хмельныченко листы якъ прочитавъ,
Свита Божого но взвыдавъ!

. . . .
. . . .
. . . . (**)

(*) Бѣлая церковь около 200 верстъ отъ Чигрина въ Кіевской Губерніи.

(**) Здѣсь какъ видно изъ окончанія пѣсни пропущенно описаніе какимъ образомъ Луговскій или Виговскій захватилъ въ руки свои правленіе, когда онъ сверженъ и что было причиною того.

То не багато Луговскій (*) Гетьмановавъ,
Повтора года булаву державъ.
Скоро сотныки, Полковныки, прибувалы,
Юруся Хмелъниченка Гетьманомъ поставлялы,
„Дай же Боже! Козаки промовлялы:
За Гетьмана молодого
Житы якъ за старого,
Хлиба соли его вживаты,
Городы Турецки плендроваты,
Славы Лыцарства Козацькому війску доставаты! (**)

(*) Вѣроятно ошибка въ имени; ибо извѣстно что послѣ смерти Богд. Хмельницкаго былъ Гетманомъ Виговскій Генеральный писарь, избранный въ число наставниковъ молодому Хмельницкому и присвоившій себѣ власть дѣйствительнаго Гетмана. Чрезъ годъ име какъ здѣсь сказано чрезъ полтора — по вторичномъ избраніи (въ Брацлавѣ) Гетманомъ, Юрія Хмельницкаго, бѣжалъ онъ въ Польшу и наконецъ въ 1664 году растрелянъ Полковникомъ Маховскимъ.

(**) Несбылось желаніе добрыхъ, признательныхъ Козаковъ, Юрій Хмельницкій не наслѣдовалъ достоинствъ отца своего; попеременно являлся онъ то робкимъ то дерскимъ — то великодушнымъ то безчеловѣчнымъ. Онъ былъ Гетманомъ, монахомъ, (1665); находился въ заключеніи у Поляковъ (1665), сидѣлъ въ семибашенномъ замкѣ у Турковъ (1669), раздиралъ много разъ между усобіями отечество свое и наконецъ, удалясь въ Турцію (въ концѣ 1669) никогда уже невозвращался въ оное.

Смерть Федора Безроднаго.

По надъ Сагою
Днипровою,
Молодый Козакъ обидъ обидае,
Ни думае ни гадае,
Що на ёго молодаго,
Щей на Чуру малого,
Бида настигае,
То не вербы Луговіи зашумилы,
Якъ Безбожни Ушкалы налетилы,
Феодора Безриднаго,
Атамана Куринного,
Постреллы, порубалы,
Тилько Чуры непіймалы,
То малый Чура до Козака прибувае,
Раны ему глубокіи промывае;
То Козакъ ему промовляе:
„Чуро мій, Чуро!
Вирный слуго,
Пиды ты степомъ
По надъ Днипромъ,
Послухай ты Чуро чито гусы кричать,
Чи лебеди ячать,

Чи Ушкалы гудуть,
Чи може Козаки Днипромъ идуть?
Коль гуси кричать,
Або лебеди ячать,
То шы сжены
Колы Ушкалы гудушь,
Мене схороны,
Колыжь Козаки йдушь
То объяви: нехай воны чивны до берега привершають,
Мене Козака Федора Безроднаго навищають,
То Чура малый по берегу пробигавъ,
Козакивъ забачавъ,
Шапкою махавъ,
Словами промовлявъ:
Панове, молодци! добре вы дбайше,
Чивны привертайте
До Атамана Куринного поспишайте,
То Козаки тее зачувалы,
До берега привершалы
Атамана навищалы.
Тогди Козакъ чуру выхваляе,
Словами промовляе:
Чуро мій, чуро,
Вирный слуго,
Колы шы будешь вирно пробувашы
Будушь тебе казаки поважашы,
То тее промовлявъ:
О прощенье совсими бравъ,
Милосердому богу душу отдавъ,

Тогди Козаки саблями суходилъ копалы,
Шапкамы, приполамы персть выймалы,
Федора Безриднаго ховалы,
Въ семи пядни пищали гремалы
Усуремки жалобно выгвалялы!
То ще добре Козацька голова знала!
Що безъ війска Козацького невмирала!

VIII.

О Гетьманѣ Мазепѣ (*).

Ой ты гадаешь Мазепо! Ты гадаещь изминяты;
Ой ты хочешь, ты хочешь Царя отступаты,
Въ пень Москву рубаты,
А самъ хочишь да настолици Царемъ царствоваты!

*

Ой що взмовишь, Гетьмане Мазепо, къ Палію Семену:
Ой Палію! Палію Семене! (**)
Чи незрадышь ты мене? —

(*) Иванъ Мазепа избранъ Гетьманомъ 1687 году на мѣсто Скалозуба одного изъ достойнѣйшихъ правителей Малоросіи, который будучи оклеветанъ — какъ нѣкоторые думаютъ Мазепою — сосланъ въ Сибирь.

Мазепа, родомъ изъ Подаліи, бывъ Пажемъ при Каземѣрѣ завелъ интригу съ женою нѣкоего Польскаго Дворянина, мужъ схвативъ его вѣлѣлъ привязать на гого къ дикой лошади и пустить въ поле: лошадь, родившаяся въ Украинѣ, примчала его полумертваго къ Козакамъ. Такъ расказываютъ Исторію Мазепы. Это похожо на басню, которую однакоже Волтеръ помѣстилъ въ Исторіи Карла XII.

(**) Палій храбрый Полковникъ учавствовавшій послѣ въ Полтавской побѣдѣ.

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазепо! тебе
изражаты,
Коли ты будешь Гетьмана Мазепо добро по-
чинаты?“ —
„Я думаю, Палію Семене! Въ пень Москву
рубаты;
А самъ хочу да на столици Царемъ царство-
ваты.“ —
„Впередъ же ты будешь Гетьмане Мазепо у-
стовпа (*) стояты,
А нижъ будешь да настолици Царемъ цар-
ствоваты!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . . (**)

Ой пье Палій, ой пье Семенъ! Да головоньку
клонить
А Мазепынъ чура Палію Семену кайданы го-
товыть,
Ой пье Палій, ой пье Семенъ! и зъ нигъ из-
валывся,
Барзо тому Гетьмане Мазепо стоя удывывся,
Ой покликне Гетьманъ на свой лейтары,

(*) Въ Малороссіи былъ обычай привязывать пре-ступниковъ къ столбу стоящему на площади, гдѣ каждый проходящій имѣлъ право бить ихъ.

(**) Здѣсь какъ видно изъ смысла пѣсни пропущено нѣсколько стиховъ.

Щобъ забывалы, Палія Семена, въ крипкіи кайданы,
Ой покрыкне Гетьманъ на свои тыслици,
Щобъ забывали, Палія Семена, въ крипки скрипныци,
Не давъ Гетьманъ, Палію Семену, ни питы, ни исты,
До ки невыславъ Гетьмане Мазепо настолицю листы,
А якъ выславъ Гетьмане Мазепо листы на столицу
Веливъ закинуть Палія Семена въ темную темницу,
„О тежъ тоби, промовляе Царю, есть Палій изминныкъ,
Винъ тебе хоче уже отступаты,
Въ пень Моску рубаты;
А самъ хоче да настольици Царемъ царствоваты.“
О зовется Палій сидячи въ темници:
„Бреше, бреше! Гетьмане Мазепо въ Царя на столици;
О тежъ тоби, да праведный Царю! самъ Гетьманъ изминныкъ,
Винъ тебе хоче уже отступаты,
Въ пень Москву рубаты,
А самъ хоче да настолици Царемъ царствоваты!„
Ой що взмовятъ мощивыи Паны до праведна Царя,
Выпускай ты да праведный Цари Палія съ темницы,

А то будуть бесурмены Шведы на твоій столици!„

. . . .

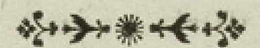
. . . . (*)

Да ще хмелю да ще зелененькій на тычину неизвывся,
А вже Палій пидъ Полтавою и съ Шведомъ побывся,
Да ще хмѣлю да ще зелененькій головокъ несхилывъ,
А вже Палій пидъ Полтавою и Шведивъ побывъ,
Ой кликне по клыкне да Королю Шведскій на гормашѣ стоя,
Утикаймо скорій, Гетьмане Мазепо! съ Полтавскаго поля!
Тогди воны утикалы уси съ пидъ Полтавы;
Бо дай воны недождали бится съ Козаками!

(*) Здѣсь также пропущено кажется нѣсколько стиховъ.

IX.

Тоска сестры по братѣ.

Не сизая зозуленька въ темнимъ лузи Куко-
вала,
Не дрибная пташка въ саду щебетала,
Сестра зъ братомъ изъ далека розмовляла,
Поклонъ посылала:
„Братику мій милый,
Якъ голубонько сизый,
Прійды до мене изъ чужой стороны,
Поситы мене при лихій годыни!„
„Сестро моя рыдненька,
Якъ голубонька сызеньва!
Якъ я маю прибуваты,
Тебе навищаты,
За темными за лисами,
За дальными за степами,
За быстрыми за водами!"
„Черезъ темный лисъ яснымъ соколомъ леты,
Черезъ быстрыи воды билымъ лебедемъ плывы,
Черезъ степы далекіи перепелочкомъ бижи,
На моймъ брате подворьи ты голубонькомъ
пады,

Добре слово взговоры,
Мое сердце сиротскее взвеселы!
Чужи, брате, сестры съ дому божого идутъ,
Вси якъ пчолочки гудуть,
На хлибъ на силь людей заклыкаютъ,
Менежъ брате словамъ незаймаютъ,
Мовъ въ очи незнаютъ;
А Якъ колись зъ нами хлибъ силь поважалы,
Въ той часъ Кумамы по братамы звалы,
А якъ пришибла нещастна годына,
Названа и Кривна одреклась родына!

X.

Отъѣздъ Козака изъ родинѣ.

Внедилю рано по рано не во вси звоны звонылы,
Якъ въ вдовынимъ дому гомонилы,
Лихій вотчимъ Козаченька молодого лае,
Маты сыну слезно промовляе:
Иды ты сыну межь чужіе люде,
Чине луче тоби на чужинѣ буде?
Не хай тебе чужій отецъ сыноньку нелае,
Щастя твого Козацького на викъ незбавляе;
Тяжко, тяжко мини тебе зъ дому отправляты,
А ще тяжче биля себе въ знегодьи держаты!
Хоть поидешь на чужину, слезы мини литы;
Хоть оставлю тебе сынку, по всякъ часъ тужиты!
То Старшая сестра коненька выводыть,
Средня збрую срибную выносыть,
Щой найменьша, рыдае,
Словамы промовляе:
Зъ якой тебе брате,
Стороненьки ждаты?
Чи отъ чистаго поля,

Чи отъ чорного моря,
Чи отъ славного за порожья! . ."
„Возьми ты сестро жовтого писку,
Да посій ты сестро на билому камни,
Колы буде жовтый писокъ выростаты,
Зеленымъ барвинкомъ камень устилаты,
Въ той часъ буду сестро до васъ прибуваты!
Бо якъ тяжко на безъ водьи рыби пробуваты
Такъ тяжко на чужини безродному прожи-
ваты!„
То шее промовлявъ:
На Коня сидавъ,
О прощенье пріймавъ,
Смутно зъ двора отцевскаго козакъ выизжавъ.
Довго воны на могилѣ крій села стоялы,
Довго, довго козаченька вичми провожалы,
А ще довше воны его дома оплакалы.

А.

Або, или.

Анижѣ, чемъ, нежели.

Б.

Байракѣ, Аврагъ, пропасть поросшая лѣсомъ.

Барзо, весьма, очень.

Бида, бѣда, нещастіе.

Батько, отецъ. Употребленіе слова *батьку* въ разговорѣ со старшими принадлежитъ болѣе запорожцамъ, Малороссіяне же замѣняютъ оное словомъ *добродію*.

Барвинокѣ, трава имѣющая прекрасные зеленые листы и голубые цвѣточки.

Білый, бѣлый.

Більше, болѣе, больше.

Біля, возлѣ.

Бутъ, бытъ. Глаголъ сей въ Малороссійскомъ нарѣчіи настояща времени не имѣетъ, въ прошедшемъ же *бувѣ*, и въ будущемъ *буде*.

Брехаты, клеветать, лгать.

Бусурманѣ или *бесурменѣ*, иновѣрецъ.

В.

Выгравать, усѣченно *выгравать*, поигрывать на чемъ.

Вдовыченко, сынъ вдовы.

Вси или *уси*, всѣ.

Вробляты — *ять*, дѣлать.

Воздобный, борзый.

Весилье, свадьба.

Вмираты, — *ать*, умирать.

Вертатця, возвращатся.

Вдовыный, вдовій.

Витчимѣ, отчимъ.

Вживаты хлѣбѣ соль, водить съ кѣмъ хлѣбъ соль.

Витерѣ, вѣтеръ.

Впень, до основанія.

Вздиваты, — *ать*, надѣвать.

Вовци, волки.

Высмыкаты, — *ать*, выдергивать.

Винѣ, онъ.

Вже, ужé.

Витки, вѣтьви.

Військо, войско.

Впадитв, бросшесь.

Г.

Годи, довольно.

Гречкосій, сѣющій Гречиху, вообще слово сіе означаетъ человѣка лѣниваго и нерадиваго, вѣроятно потому, что въ Малороссіи часто сѣютъ гречиху на томъ же самомъ полѣ на которымъ была рожъ невспыхивая онаго въ новъ, а только взборонивъ.

вгору, къ верху.

Гомониты — ить, шумѣть.

Гарматъ, пушка.

Где невзялась, отъ куда возмись.

Гирло, горло.

Гнивъ, гнѣвъ.

Д.

Домоваты — ать, жить дома.

Домонтарь, домосѣдъ.

Додаваты—ать, придавать.

Двійми, двумя.

Добре, хорошо, пышно.

тее догадавъ, смѣкнувъ дѣломъ, догадался о томъ.

Доки, пока.

Дуже, крѣпко, весьма.

Дбаты — ать, собирать.

Е.

Едналы — ать, договариватся съ кѣмъ.

Евже, нѣтъ-ужъ.

З.

Зачуваты — ать, услышать

Згадаты — ать, вздумать.

Злотый, двадцать копѣекъ.

Знаряжаты — ать, спорязжать.

Звычай, обычай.

Звязаты — ать, связать.

Заважаты — ать, мѣшать.

Заразъ, сей часъ.

Знадобитця, пригодится.

Звоны, колокола.

Занудылось, стошналось.

Зузуленька, кукушка.

Зачасъ. загодину, вскорѣ.

Забачаты — ать, завидѣть

Зроду, отъ роду.

Злеся мае, находится въ нещастіи.

Заступаты — ать, заслонить.

Заправлять ружье, заряжать ружье.

Ж.

Жиноцькій, женскій.

Жваковаты — ать, глодать.

Жовтый, жолтый.

Жупанъ, верхняя одежда, кафтанъ.

И.

Ивась, Иванушка, Ванюша.

Исты, ѣсть.

Изнигъ извалитьця, свалится съ ногъ.

Изражаты — ать, погубить, выдать.

К.

Каляты — ять, марать, пачкать.

Крiчя, мартышка, рыболовъ.

Краще, лучше.

Край или *Крiй*, конецъ.

Кайданы, цѣпи.

Карбоваты — ать, насѣкать, нарѣзывать знаки.

Колыбъ, когдабъ.

Колыжъ, когдажъ.

Л.

Листы, слово сiе вообще означало официальныя бумаги.

Лижко, постѣль, ложе.

Ляхъ, полякъ.

М.

Музыкы, музыка.

Мыля, миля.

Маты — ать, имѣть.

Мовъ, какъ будто.

Мущивый, мощный.

Мабуты — уть, видно.

Мынаты — ать, пропустить обойти, миновать.

Н.

Недилешный, воскресный.

Ненька, родная моя.

Напидпытку, подъ гулявши, подъ веселый часъ.

Неподоба, неприлично.

Напередъ, прежде.

Наметъ, полатка.

Небога, бѣдная.

Недрибная, немѣлкая.

Нехай, пусть.

Нездолiю, не въ силахъ.

Наставляты — ать, *гетьманомъ*, избирать, постановить кого *гетьманомъ*.

Наверсалы (универсалы), грамоты и привилегiи.

Незбавляты — ать, нетерять, непорчить.

Надилки, ножны.

О.

Оковыта, хлѣбное вино перваго сорту.
Одностайно, единодушно.
Отогди, тогда то.
Обибратця, отыскатся, выбратся.
Отежъ, вотъ же.
Отступаты — ать, отступится отъ кого, отдѣлится.
Откупляты — ять, избавлять, освобождать, выкупить.
Обизвеця, отзовется.
Оце, вотъ это!

П.

на Поталу въ снядь.
Панотець, сударь батюшка.
Паниматка, сударыня матушка.
Перше, прежде.
Прочинаты — ать, просипаться.
Пищели, ружья.
Поважаты — ать, уважать.
Приблуда, неизвѣстно отъ куда взявшійся.
Пылъ, пыль.
Питы, пойти.
Пидъ, подъ.
Прохаты — ать, просить.
Предъ мечъ принявъ, изрубилъ.
Плендроваты — ать, покорять.
Порада, совѣтъ.
Примирье, примиреніе.
Панъ, господинъ.
Пани, госпожа.
Пробуваты — ать, жить.
Побигъ, отправился.
Пиха, пожны.
Пытаты — ать, спрашивать.
Пригода, напасть, приключеніе.
Повикъ, вѣчно.
Прибуваты — ать, прибывать.
Причепляты — ять, прицѣпить.
Панове, господа.
Пожирло, пожрало.
Потмарило, помрачило.

Р.

Рилья, борозна.
Розмовляты — ять, разговаривать.
Рушаты — ать, двинутся.
Ридный, родной.
Розумъ, разумъ.

С.

на Спочивы, на роздыхѣ.

Соби, себѣ.

Стина, стѣна.

у Стани, въ стойлахъ.

Спиваты — ать, пѣть.

Свалыты — ыть, склонить нагнуть.

Сирохманци, сѣрые космашые.

Сызопиры, сизоперые.

Спысь, копьё.

Звертаты — ать, сварачивать въ сторону.

Середульшій, среднiй.

Сподиватця, надѣятся.

Солодкій, сладкiй.

Суремки, трубы.

Суходилъ, сухая земля.

Сага, заливъ.

Скрипныци. См. тыслицы.

Т.

Тес, то.

Тоби, тебѣ.

Табуръ, станъ, лагерь.

Трапляетьця, случаеться.

Тыслици, деревяные клѣщи которыя надѣвают на ноги преступникамъ.

Тило, тѣло.

Треба, надобно.

Товкаты, толкать.

Тилько, только.

Тычина, прутикъ, палочка которую ставять для подъ держанiя цвѣтовъ.

У.

У, на.

Усе, всё.

Уганяты — ять, заниматься чемъ.

Утикаты — ать, уходить.

Уробляты — ять, дѣлать.

Х.

Хата, изба, комната.

Хмиль, хмѣль.

Ховаты — ать, прятать,

Хуртовина, буря.

Хтось, ктото.

Хмары, тучи.

Ч.

Чого чего.

Чоботы, сапоги.

Чомъ, почему.

Чура, прислужникъ родъ оруженосца.

Червоный, красный.

Чи щежо̃, еще ли.

Човны, лодки.

Ш.

Шукасты — ать, искать.

Шисть, шесть.

Шляхо̃, дорога.

Шабли, сабли.

Шановаты — ать, нѣжить, почитать.

Щ.

Ще, еще.

Щось, что то.

Ю.

Юрусь (уменьшит.), Юрій.

Я.

Яко̃, какъ.

